

ПИАНИСТ СРЕДИ КРОН

ДОБРЫЙ ГОГА

Гога Добрый

**Пианист среди крон.
Последняя нота**

«Автор»

2026

Добрый Г.

Пианист среди крон. Последняя нота / Г. Добрый — «Автор»,
2026

2002 год. Журналистка из посёлка Заречный соглашается встретить и проводить до заброшенного участка двух девочек-близняшек. Когда-то здесь жил их брат Ваня — её бывший одноклассник, пропавший без вести семь лет назад. Наступает время вернуться к нераскрытому делу. Холодная зима уступает место дождливой весне. Лес вновь начинает говорить, зазывать гостей. В этот раз музыка звучит не в кронах — она идёт из-под земли, с кладбища. Мелодия пианино ведёт за собой, пробуждает старые сны и не даёт забыть то, что хотелось бы похоронить навсегда. История о том, что порой стоит забыть прошлое. Некоторые дела должны остаться нераскрытыми.

© Добрый Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	7
III	10
IV	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Пианист среди крон. Последняя нота

I

Опять этот сон

Я отодвинула озябшие ветки дерева. Часть из них отпружинила и больно ударила меня; снежинки разлетелись в стороны, холод коснулся щёк. Даже мой красный шарф не защищал от него. «Опять этот сон», — подумала я и прошагнула дальше, через сугробы.

Двухэтажный деревянный домик стоял у кладбища. Из его окон валил дым, а где-то внутри плясали языки пламени. Я медленно пошла к нему. Чем ближе подходила, тем отчётливее слышала треск дерева и звук играющего фортепиано. Некто сидел в горящем здании и отказывался выходить.

За моей спиной было кладбище. Из-за метели, снижавшей обзор, оно казалось почти бесконечным, недостижимым. Тёмные силуэты надгробий и крестов казались отсюда живыми, плывущими по течению существами. Где-то среди них слышался тихий детский плач. От него становилось по-особенному тревожно. Именно поэтому я сразу поворачивалась к горящему дому, чтобы не смотреть на место скопления покойников.

«Зачем я здесь?» — вслух произнесла я, продолжая медленно шагать к дому. Снег хрустел под подошвой ботинок. И вот я уже была совсем рядом. Я чувствовала, как жар пронзает моё тело. Руки схватились за шаткую стремянку. Она уходила к окну на втором этаже деревянного строения. Я полезла наверх. Темнота должна дать мне ответы на все мои вопросы. Что случилось той ночью в семье Лесниковых? Почему именно мне нужно заново пережить этот пожар, разобраться в происходящем ужасе?

Ноги не слушались, они медленно цеплялись за ступеньки — одну за другой. Я мысленно молилась, лишь бы не упасть вниз. Иначе снова не разгадаю эту тайну. Наконец-то достигла вершины. Я пролезла в окно через облако едкого дыма; мелодия была максимально громкой. Глаза сразу защипало, пришлось зажмуриться. В нос ударил запах огня, горящего дерева. И тут я проснулась.

Я подняла голову со стола и начала быстро моргать, чтобы прогнать наваждение. Уже несколько лет меня периодически посещает этот жуткий сон. Я глянула на часы. Стрелки показывали девять часов вечера. Я медленно поднялась со стула, разгладила одежду. Неприятные мысли всё ещё копошились в голове; мерзкие змеёныши отравляли мозг.

За окном было ещё не совсем темно. Тёплая майская трава контрастировала с оранжево-голубым небом. Где-то у дома пели соловьи, издавали свои незамысловатые звуки природы. Я вдохнула аромат своей комнаты, а затем выглянула из окна, чтобы сравнить их. В комнате пахло почти так же, как и на улице, только там — насыщеннее, свежее.

На моём столе хаотично были разбросаны различные документы из старых архивов. Я вновь вспомнила про свою работу в «Районном вестнике». Именно туда я устроилась два года назад. Мама уговаривала уехать как можно дальше от этого забытого богами посёлка, но разве я могу бросить её тут, совсем одну? Вот когда заработаю денег — тогда и уедем. Хотя это будет ещё не скоро, если учесть мою нынешнюю зарплату журналистки. По ощущениям, даже мама зарабатывала больше меня, когда работала директором школы.

За стеной раздался приглушённый кашель.

— Алиса, поди сюда. Ты ещё не спишь, доча? — хриплым голосом позвала меня мама.

Я быстро сложила все разбросанные бумаги в папку, а затем пошла в родительскую комнату.

— Иду-иду, ма. Ты как? — я робко заглянула в спальню, а затем зашла полноценно.

Мама была прикована к кровати с тех пор, как вышла на пенсию. Сейчас ей уже пятьдесят восемь лет, и с каждым месяцем становится всё хуже. У неё хроническая болезнь лёгких, или что-то в этом роде. Множество раз уже были признаки удушья, и я её спасала.

— Пойдёт, доча. Я, наверное, тебя разбудила? Прости, пожалуйста, — пытаюсь отдышаться после кашля, проговорила мама.

Я взяла упаковку с таблетками и выдавила одну штучку себе на ладонь, протянула её маме; та быстро выпила лекарство вместе с водой.

— Всё в порядке, ма... Всё равно я работала, а не спала, — солгала я.

Мама чувствовала себя виноватой за то, что я пожертвовала своим будущим ради заботы о ней. Но мне было несложно. Наоборот, моя приобретённая работа местной журналистки была вполне приличной. Я часто езжу в центр области, отдаю свои записи. Пишу обычно про ремонт школы, погоду, местных зверюшек — ничего особенного.

Мама тяжело вздохнула, о чём-то явно задумалась. Я села на стульчик рядом с её кроватью. В моих мыслях вновь всплыл тот самый сон. От его вида по мне пробежали мурашки. Сгоревший дом семьи Лесниковых, пять трупов. Я до сих пор думаю, могла ли я всё изменить. Если бы я позвонила в милицию ещё раньше? Тогда, семь лет назад, зимой?

Мама вновь кашлянула, чем моментально заставила образ сна исчезнуть. Затем она заговорила:

— Доча, завтра к нам в посёлок две девочки приедут. Близняшки. Ты сможешь их встретить и до их участка сопроводить?

Я недоверчиво прищурилась на слова матери. Завтра пятница, и мне хотелось побыть дома весь день. Но я решила не спорить: раз мама попросила лично, значит, дело было серьёзное.

— Окей, ма. Что за близняшки и куда их провести? — спросила я голосом, который явно показывал мою незаинтересованность.

— Лесниковы, у которых дом сгорел семь лет назад, помнишь? Кхе-кхе, — мама вновь закашляла, а я непонимающе сморщилась.

— Лесниковы? — с надеждой в голосе спросила я.

— Во-во. Наташа их видать сюда отправила, чтоб на участке прибрались. Картошку сажать собрались в будущем.

В моей голове сложился пазл. Близняшки — сводные сёстры Вани Лесникова, моего бывшего одноклассника ещё со времён девяностых годов. Я вскочила со стула, пытаюсь сдержать радость. Девочки много чего знали про своего брата, наверное. Ваня до сих пор считается пропавшим без вести.

— Чего скажешь, доча? Встретишь? — повторила свой вопрос мама. Я быстро закивала.

— Да-да, ма. Заранее скажи, когда они приедут.

— Завтра в два часа дня у автобусной остановки их встретить, ага? Я напомним, — проговорила мама и вновь кашлянула.

Я снова кивнула. Это был мой шанс. Я обязательно должна им воспользоваться.

II

Встреча с прошлым

Два часа дня. Автобусная остановка. Весеннее солнце пекло, заставляло глаза щуриться. С этого холма был виден весь наш посёлок. Вон там самое большое здание — двухэтажная школа; она стоит почти в центре деревни, а от неё раскинулись частные домики. А у края стоит белая церковь, словно дозорная башня. В руках у меня находилась небольшая пластиковая бутылка воды. Жидкость в ней нагрелась. Я на секунду засмотрелась на ржавый металлический знак с надписью «Заречное», словно мыслями вернулась в прошлое.

Под ногами — серая лента грейдера, она набивалась в кроссовки и заставляла постоянно вытряхивать камни. Воздух здесь, наверху, другой — более пыльный, не такой, как внизу, в посёлке. Ветер летит с востока, пахнет сухой полыньёй, нагретой за день землёй и чем-то ещё — то ли дымом от чьей-то бани, то ли просто пылью старых дорог.

Остановка стоит на самом гребне. Бетонная коробка с плоской крышей. На стенке — выцветшее расписание. Бумага пожелтела, уголки загнулись, большинство строчек уже не разобрать, да я их и так наизусть знаю: один рейс в пару дней, утром. Автобус приходит, только если набирается достаточно народу в райцентре. Иногда я думаю, что эту бумажку повесили просто так, для успокоения — мол, смотрите, мы не совсем отрезаны от мира.

«Где же они?» — раздражённо подумала я. Именно в этот момент где-то на горизонте показался старый автобус ещё советских времён. Гудение его двигателя придавало спокойствия — то, что нужно перед такой неловкой встречей со своим прошлым.

Я тяжело вздохнула и закрыла глаза. Автобус остановился передо мной. Старый, потёртый, он был белого цвета, но сейчас из-за пыли и грязи больше напоминал серый. Одна-единственная рабочая дверь со скрипом открылась. В салоне сразу начались торопливые движения. Через мутные окна фигур было не разобрать, но зато я слышала чьи-то голоса, а также радио, стоявшее на приборной панели водителя. Не успела я разобрать слов песни, как две девочки вышли мне навстречу.

Им было по тринадцать лет. Ева была легко одета, по-летнему: на голове бежевая панамка, на теле — светлый сарафан в мелкий цветочек, бретельки узкие, на плечах уже заметен лёгкий загар. На ногах — простые сандалии на плоской подошве, которые она тут же сбросила, как только сошла на твёрдую землю, и теперь стояла босиком, пробуя пальцами тёплую пыль грейдера. В ушах — дешёвые серёжки с бирюзовыми бусинами; на запястье — фенечка из цветных ниток, сплетённая чьими-то руками. Она сразу меня заметила, улыбнулась и, приветствуя, слегка приобняла.

— Привет, мама говорила, что ты нас встретишь. Я Ева, а это моя сестра Оля, — быстро пролепетала девочка. Она выглядела совсем не так, как я представляла себе путника, только что проехавшего полтора часа в пыльном автобусе.

— Рада знакомству, я Алиса. Моя мама попросила меня проводить вас до вашего дома, если его ещё можно так назвать, конечно.

Оля держалась в стороне. После поездки сразу двинулась к автобусной остановке, спрятавшись в тени. Она была одета более серьёзно, чем Ева: простые тёмно-синие джинсы и белая футболка с круглым вырезом. Никаких узоров, никаких украшений — только на груди, на тонкой цепочке, небольшой серебряный крестик, который она то и дело поправляет привычным жестом. Обувь — не новые, но аккуратные кеды, без рисунков и ярких шнурков. Волосы у Оли тёмно-русые, прямые, подстрижены до плеч и убраны за уши. Чёлка ровная, и когда она наклоняется, чтобы поправить лямку рюкзака, чёлка падает на глаза, но она тут же убирает её обратно — движением точным, механическим. Только когда я посмотрела ей в глаза, она

немного раздражённо кивнула и буркнула сдержанное «Привет». Ей явно была не по духу вся эта экспедиция в наше захолустье. Я кивнула, а затем жестом указала в сторону деревни.

— Нам туда. Ваш дом в самом конце, так что прогулка предстоит долгая. Как поездка прошла? — неловко проговорила я, желая как-то раскрутить разговор с загадочными сёстрами моего когда-то пропавшего одноклассника.

— Кондиционера, конечно, не было, но и так всё прошло клёво, — мило отозвалась на мой вопрос Ева. Она шла всё время рядом со мной, а Оля — на пару метров впереди, держала дистанцию.

— Класс... А я вот работаю в «Районном вестнике», и мне, как журналисту, интересно спросить... — вновь неловко сказала я. Этот разговор давался невероятно тяжело. — Зачем вы приехали сюда?

Ева уже открыла рот, чтобы начать рассказывать, но Оля внезапно оказалась быстрее:

— Мама просила подготовить участок, траву там прополоть после зимы. Планируем сюда картошку посадить, — спокойно рассказала девочка. Я молча кивнула.

Мы уже спустились вниз, к деревне, к сухому пастбищу старых домов. Где-то из-за забора доносились голоса местных мальчишек, играющих в «войнушку». Когда-то и я так радостно бегала с палкой, похожей на автомат. Оля всё так же шла впереди нас; её походка была сдержанной и максимально спокойной. Ева же наоборот: двигалась вприпрыжку, напевала какую-то песенку себе под нос, всё время осматривалась. По её радостному, улыбающемуся личику было件нятно, что будущая работа на участке её совсем не тяготит — для неё это казалось какой-то игрой, ведомой только ей.

Проходя мимо двухэтажной школы, даже Оля не смогла сдержаться и не посмотреть на её угрюмый фасад. На широком крыльце сидела пара местных мужиков. Они курили и о чём-то увлечённо болтали. Одеты были лишь в рваные спортивные штаны, по их оголённым торсам стекал пот. На головах у них красовался шедевр журналистики: шапочка, скрученная из старой газеты «Районный вестник». Обложку этого номера я смогла распознать даже на почтительном расстоянии. Козырёк импровизированной пилотки лихо торчал вверх, защищая лысину от палящего солнца не хуже любой панамы. Они не столько работали, сколько присутствовали при ремонте. Рядом стояла закопчённая банка из-под тушёнки, служившая пепельницей. Мужики неспешно затягивались сигаретами. Где-то наверху, на втором этаже школы, через открытое окно слышался монотонный звон — это ещё один работяга долбил старую штукатурку. Местным детям повезло, не надо было учиться из-за ремонта.

Постепенно мы добрались до старого деревянного моста. Первой на него наступила Оля и сразу замерла, как только монотонный скрип разнёсся где-то под балками.

— Надеюсь, эта рухлядь не сломается, — настороженно, тихо проговорила она.

Оля сделала ещё пару осторожных шагов, а за ней двинулись и мы. Доски опасно прогибались; казалось, что гнилая древесина в любой момент сломается и мы всей компанией упадём в тягучую реку. Совсем недалеко из леса донесся треск ломающихся веток. Это наверняка были грибки. Не сиделось же им дома.

Мы уже почти полностью прошли мост — Оля уж так точно. Вдруг Ева внезапно остановилась и посмотрела в лес, в кроны сосенок, недавно проклюнувшейся зелени. Лес снова устанавливал связь, знакомился с новыми гостями.

— А я до сих пор вспоминаю ту ночь, когда пропал Ваня, — спокойно проговорила она, а затем продолжила идти. Меня пробрали мурашки: им ведь тогда было всего по шесть лет, а Ваня прожил с ними в посёлке всего пару месяцев.

— И что же ты помнишь? — не справившись с любопытством, спросила я. Мы уже закончили переходить мост.

— Я помню, как Ваня играл с нами, даже когда-то про тебя рассказывал...

— Не было никакого Вани, — внезапно обернулась Оля и прервала сестру. От её серьёзного тона даже я опешила. В нос сразу ударил запах леса, как напоминание о чём-то давно утраченном. — И хватит его обсуждать. Забудь, — всё таким же строгим голосом закончила Оля. Я увидела, как недовольная морщинка пересекает её переносицу. Разговоры о когда-то существовавшем сводном брате оказывались для неё неприятными.

Ева тоже нахмурилась, но не от неприятных ощущений, а от непонимания. Она решила послушаться совета сестры, пожала плечами.

Дорога к сгоревшему дому заросла, поэтому нам приходилось буквально пробираться через заросли. Я уже понимала, что к вечеру буду опять чесаться от укусов комаров. Наконец мы добрались к дому, а также к кладбищу рядом с ним.

III

Пепелище

Мы остановились у поваленного забора. За эти семь лет он зарос травой, но казалось, что ничуть не изменился. Весь остальной участок был точно таким же. Близняшки заворожённо озирались. В их глазах читались недоверие и вопрос: «Мы правда тут когда-то жили?».

Сарай, в котором находились дрова, сгорел практически дотла. В ту роковую зимнюю ночь бандиты подожгли его. А вот самому дому повезло намного больше. Метель и мороз тогда были сильными, это играло против пожара. Восточная половина дома, та, что находилась со стороны сарая, пострадала больше всего. В эту зону попали комната Ивана на первом этаже, коридор, а также детская на втором. Брёвна обуглились до черноты. Здесь они прогорели на глубину пальца, и поверхность их стала угольной, с глубокими трещинами. А западная стена почти не пострадала — смола на ней застыла янтарными каплями от прежнего солнца, и брёвна были светлыми, сухими, лишь слегка закопчёнными у самого верха. Тогда, в метель, огонь лизал дом с одной стороны, а ветер отдувал его в поле, разнося искры над сугробами. Крыша дома обвалилась лишь частично: брёвна упали прямо на детскую комнату.

Когда мы подошли к дому на достаточное расстояние, я сразу увидела множество осколков стекла, засыпанных землёй, у подоконников. Оля всё так же храбро шла впереди, раздвигала растения в сторону; её лицо было максимально сосредоточенным. Ева шла второй и боязливо ойкала от бьющих её по лицу веток. Это были настоящие заросли, примерно по колено. Ненавистная мною молодая крапива вперемешку с прошлогодним бурьяном. Где-то в тёмных углах всё ещё лежали нерастаявшие кучки снега — последнее напоминание о минувшей зиме.

— Только не трогайте ничего руками, — бросила Оля через плечо, хотя её в этом совете никто не просил.

Наша компания остановилась у частично обугленной двери. Её металлическая, ржавая ручка была совмещена со скобой с помощью не такого уж и старого замка. Оля сняла рюкзак, начала копошиться в его отсеках в поисках ключа от дома. Ева нетерпеливо хмыкала и отбивалась от нападавших на нас насекомых.

— Ключ посеяла, — раздражённо проговорила Оля и тяжело вздохнула. Её руки всё ещё безуспешно шарились в карманах в поисках ключа.

— Прекрасно, что будем делать? — устало спросила я. В моей голове всё ещё копошились планы на то, чтобы разговорить близняшек про брата, но злые комары, так и норовящие испить крови, автоматически сбивали настрой. Только сейчас я заметила застрявшую в бревне старую дробь — настоящее эхо прошлого.

— Не знаю. Я такого варианта не продумывала, — всё с таким же негодованием ответила Оля.

— Перелезем через окно? — предложила Ева. Мы все втроём сразу уставились на кухонный оконный проём.

Видимо, не придумав ничего лучше, девушки молчаливо отправились к нему. Оля быстро, ловко упёрлась руками в подоконник, а затем запрыгнула внутрь дома, подала Еве руку и заботливо помогла подняться. Мне же, в свою очередь, пришлось забираться самостоятельно.

Кухня выглядела живой, хотя таковой она не была уже кучу лет. Все оставшиеся вещи, которые хозяева не увезли после пожара, давно разграбили местные ребята. Каждое заброшенное здание притягивает нежелательное внимание. Половицы знакомо заскрипели от наших шагов. Я почти сразу почувствовала запах обгоревшего дерева. Он чувствовался и у двери дома снаружи, но здесь его сила была куда более ощутима.

Пока я размышляла, Оля уже выломала дверь. Она подняла ногу и с силой ударила подошвой кроссовка по двери. От внезапного грохота Ева боязливо ойкнула. Железная скоба, которая держала замок, вырвалась из древесины. Замок всё ещё болтался на ручке двери.

— Ух, ну вот и отлично, можем приступить к уборке территории, — тяжело вздохнув, сказала Оля.

Мы втроём вновь вышли во двор, на этот раз через дверь. Ева быстро нашла тяпки в кладовой дома. Она с большим энтузиазмом протянула один из инструментов мне. Я, пытаясь скрыть раздражение, приняла его. Мне хотелось подружиться с девочками, а совместная работа могла идеально в этом помочь. Оля же надела резиновые перчатки и принялась дёргать траву руками. Мы все вместе дружно начали вычищать участок от крыльца дома и до поваленного забора.

Прошло несколько часов работы. Участок наконец-то выглядел ухоженным, свежим. Словно он и не был никогда заброшен. Я села на крыльцо и протёрла лоб от пота. Затем рядышком сели мои две новые подружки. За время работы мы смогли разговориться, но о пропаже Вани ничего не обсуждалось.

Оля выглядела так, будто её вытащили из-под земли в прямом смысле: грязь на лице, волосы сбиты, а взгляд исподлобья полон раздражения и бессилия. Ева, напротив, почти не показывала эмоций. Лишь усталость, глубокая, как омут, застыла в её чертах. Она казалась не грязной, а выцветшей — как старая фотография.

— Когда следующий автобус? — устало спросила Оля и расправила затёкшие плечи. Ей явно хотелось как можно скорее убраться отсюда.

— Через пару дней. Мама может позвонить в райцентр и узнать конкретную дату, — ответила я, а затем сразу предложила: — Вы пока у нас дома поживёте, хорошо?

Сёстры быстро переглянулись, а затем Оля спокойно кивнула, встала с крыльца. Доски вновь закрипели. Вслед за Олей поднялись и мы.

IV

В гостях

Наконец-то я была дома. Близняшки уже познакомились с моей мамой, пока я разогревала ужин. Они легли спать в гостиной на раскладывающемся диване. Я же спать пока не собиралась, вновь села за стол и осмотрела записи про дом Лесниковых. Их семья ещё семь лет назад дурно славилась в посёлке.

Передо мной лежали вырезки из газет и архивов милиции. Заголовки кричали: «В лесу исчез тринадцатилетний мальчик», «Пропал ребёнок», «Новая беда в Заречье». На деле же все статьи гласили одну и ту же суть: мальчик исчез в метели, погиб от переохлаждения. Папка с делом прямиком из милиции много лет не давала мне покоя. Её мне любезно, неофициально предоставил местный милиционер, отец моего близкого друга. «Только в статьях не свети. Дело висячее, сама понимаешь», — хмуро проговорил он и протянул запылившуюся папку с большой надписью «ДЕЛО». Это было несколько месяцев назад. Здесь, этим вечером, под тёплым освещением настольного светильника она казалась магически притягательной.

Руки потянулись к картону и аккуратно открыли его. Сверху лежала фотография проклятого дома. Её снимали утром после перестрелки. Стены в следах дробы, окна — чёрные провалы, сарай — обгоревший остров, среди моря снега, покрытого сажей. А перед домом, на снегу лежали, — пять накрытых тел. Пять трупов, последствий ужаса той ночи. Я невольно задержала взгляд на том, что лежало ближе к крыльцу. Это был отец Вани.

Отдельным листом шёл рапорт оперативников. Сухие строки, без капли надежды. Первые двое нападавших погибли ещё в перестрелке. Оставшиеся двое подожгли сарай бутылками с зажигательной смесью, а когда огонь перекинулся на дом, Виталий Лесников вышел на крыльцо с поднятыми руками, будто сдаваясь. А затем вскинул ружьё и застрелил обоих в упор. Сам он словил пулю в грудь и умер на месте, заранее успев выпустить сына через чёрный ход. Виталий был настоящим героем.

Я пролистнула дальше. Постановление о возбуждении дела, написанное казённым языком. Слова «загадочная смерть», «неустановленные лица», «поиск несовершеннолетнего». В самом низу лежал лист с описью. Я знала его наизусть, но каждый раз перечитывала, надеясь увидеть что-то новое. «Тридцать пять золотых монет Николая II. Обнаружены у кладбищенской ограды». И ниже карандашная приписка, сделанная чьей-то рукой: «Мальчик не найден». Близняшки и их мать тоже описывались в папке, но о них рассказывалось лишь вскользь. «От комментариев отказываются» — звучало как приговор.

Где-то на улице залаяли собаки. Я глянула на часы: десять вечера. Со скрипом поднялась со своего старенького стула, а затем закрыла окно. Звук лающих собак мешал думать. Тем не менее дальше я всё равно приняла решение лечь спать: натянула одеяло до шеи, подложила руки под подушку, сосредоточилась на тихом звуке часов. Несмотря на то что я, по сути, ничего нового по делу не узнала, день казался тяжёлым. Чего уж стоила моя работа на заросшем участке.

Постепенно звук тикающих часов стал расплываться в сознании, перетекать в густую, непонятную человеческому разуму форму сна. Он затягивал внутрь себя, словно являлся живым. Невнятные образы, вновь школьные коридоры, смех одноклассников. Только сейчас я поняла, что смеялись надо мной. Это снова был наш школьный класс, мне снова тринадцать. Портреты писателей над доской исказились: их глаза растянулись в длину, а из ртов шла густая, жёлтая пена. Учительницы на своём привычном месте не было. Я сидела почему-то на месте Вани. Деревянная парта, твёрдое сиденье стула — всё было до жути реалистичным. Я обернулась назад и увидела, как абсолютное большинство одноклассников смеются надо мной, хихи-

кают, шушукаются между собой. За моей привычной партой сидит Ваня, он смеётся вместе со всеми и показывает на меня указательным пальцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.